

КЛОССОВСКИ (Klossowski) Пьер (1905—1995) — французский писатель, философ, психоаналитик, художник, литературный критик. С 1935 (совместно с Батаем и А.Бретоном) — участник «Союза борьбы революционных интеллектуалов»;

Основные сочинения: «Сад, мой ближний» (1947), «Ницше, политеизм и пародия» (текст лекции, прочитанной в 1957, был опубликован в 1963), «Ницше и порочный круг» (1969) и др. В качестве своих предшественников признавал де Сада, Ницше, Фрейда, Батая. Оказавшись в середине 20 в. вовлеченным в теоретические дискуссии французских философов об идейном наследии Ницше, К. подчеркивал, что идея «вечного возвращения» (см. Вечное возвращение), столь любимая Делезом, весьма и весьма уязвима. По мысли К., данная концепция в первую очередь направлена против идеи постистории или «конца истории». Согласно К., идея «вечного возвращения» постулирует не только то, что никогда не было начала («первого раза»), но и никогда не будет «конца истории» («последнего раза»). По мысли К., в контексте таких рассуждений явно проглядывается ряд парадоксов. Не существует оригинала, образец копии уже является копией: копия посему всегда являет собой копию копии.

Не существует маски лицемерия, ибо лицо под этой маской уже является маской: всякая маска есть маска маски. Не существует факта, есть только различные его интерпретации: посему любая интерпретация есть интерпретация более старой интерпретации. Не существует собственного смысла слова, есть смысл фигуральный: посему понятия суть не более чем скрытые метафоры. Не существует подлинной версии текста: есть только переводы — вторые, третьи и т.д. Не существует истины: одни лишь ее имитации и пародии на нее. Из этого следует, по К., следующее: в основании отрицания всякого определения начала или реальности оригинала лежит ликвидация принципа тождества; посему видимости тождества, с которыми мы сталкиваемся, суть маски. Любое тождество — продукт симуляции.

Тождественное — это всегда «иное», полагаемое «тем же самым»; при этом под «той же самой» маской обязательно скрывается другое «иное». Маска, воспринимающаяся как та же самая, никогда таковой не является; тот, кто верит в то, что это то же самое, сам никогда не бывает тем же самым. Эти парадоксы, по К., обуславливают то, что теория вечного возвращения не в состоянии сформулировать «принцип различия», способный противостоять принципу тождества. Концепция вечного возвращения противопоставляет принципу тождества видимость принципа различия. По мысли К., теория вечного возвращения являет собой лишь пародию теории. Философия различия тем самым — не более чем мистификация: «демистифицируют лишь для того, чтобы лучше мистифицировать» (К.). Результатом этого, например, выступает у К. ход

идеологов Просвещения до 1789: философия как антирелигиозная критика способна вернуть людей в лоно античных добродетелей. Но критика властей как любая иная критика не может претендовать на статус непогрешимой.

Различие между критикой лжи и самой этой ложью, по мысли К., искусственно стимулируется: "

;Современные катастрофы всегда более или менее быстро смешиваются с "радостной вестью" ложного "пророка". К. делает вывод: классическая философская линия (Платон — Гегель) как вера в истину выступает как эпоха демистификации: люди в это время разучились выдумывать новых богов.

Ницше своей книгой "Сумерки богов" попытался превратить истинный мир в выдумку, это, разумеется, не означает, что вера в сверхъестественный мир покинула людей. К. оценивает это так: "Мир стал выдумкой, мир как таковой — лишь выдумка: выдумка означает нечто, о чем рассказывают и что существует только в повествовании; мир есть нечто, что рассказывается, пересказанное событие и, следовательно, интерпретация: религия, искусство, наука, история — столько различных интерпретаций мира или, точнее, столько вариантов выдумки". Идея "конца истории" означает в настоящее время, по мнению К., готовность человечества покинуть историческое время и вновь войти во "время мифа". Центральным для понимания собственной концепции К. является сборник его эссе "

;Сад, мой ближний", в котором он развивает идею "интегрального атеизма", знаменующего собой, по его мнению, конец антропоморфного разума. Согласно К., рациональный атеизм лишь наследует нормы религий монотеистического типа, замещая теоцентризм антропоцентризмом. "Интегральный атеизм" утверждает, что вместе с "абсолютным гарантом" принципа идентичности (тео- или антропоцентризмом) исчезает сам этот принцип, а также моральные и физические обоснования ответственности индивидуального "Я".

Основным мотивом деятельности субъекта является "желание", которое, в отличие от "сексуальности", остается неизменным на всей протяженности развития психосоматической конституции индивида. Самосознание личности есть продукт воздействия нормативного языка социальных институтов, т.е. "языка власти" на бессознательные волевые импульсы, характерные для естественного состояния человеческой природы. В результате первоначальная расстановка импульсивных сил предстает в психике индивида в перевернутом виде, насильственно

поддерживая строгую субординацию жизненных функций организма с целью дальнейшего воспроизводства человеческого рода. Для восстановления «истинной иерархии» прав и реабилитации «единичного» перед «всеобщим» К. считает необходимым устранение «цензуры нормативности», укорененной в сознании на уровне «представлений» (критериев различия добра и зла, истины и лжи и т.п.), непосредственно «действием», причем «текстуальным», а не социальным.

Отказ от практики социальных реформ означает отказ от революции как насильственного внешнего принуждения и переход на иной онтологический уровень — индивидуального усилия в рамках самосознания личности. Такая стратегия предполагает длительную работу по культивированию индивидуального усилия, «внутреннего порыва» в литературном опыте трансгрессивного преодоления преграды, препятствующей нормализации психического состояния индивида. При этом выход за пределы культурных регулятивов, укорененных в сознании, на практике означает преодоление и «субъективности» как таковой, разложение самой структуры сознания в отказе от принципа идентичности. Индивидуальная структура личности оказывается не тождественна самой себе, распадаясь на множество автономных, самодостаточных образований, отличных друг от друга психических состояний, которые нарушают симметрию в бесконечности «зеркальных отражений» индивидуального «Я». Целостное представление о «едином» разрушается симуляцией «множественности» в режиме постоянного возобновления, актуальности становящегося «Я» и его «вечном возвращении» к самому себе, но уже в роли Другого, который не станет объектом манипулирования.

А.А. Грицанов